

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРЯЯПОНСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Реконструкция праяпонской фонологической системы — тема, неоднократно освещавшаяся в японоведческой литературе, см., например: [Hattori 1959; Ōno 1956; Izui 1956; Miller 1964; 1967; Martin 1959; Wenck 1954; Murayama 1954]. Однако до сих пор по этому вопросу нет единого мнения ни среди японских лингвистов, ни среди европейских японистов. В данной работе делается попытка осветить этот вопрос, основываясь на уже имеющихся достижениях и на собственных изысканиях автора в этой области.

Реконструкция фонологической системы для некоторого праязыкового состояния как часть более общей проблемы — реконструкции праязыкового состояния как такового — осуществляется посредством следующих приемов реконструкции:

1) постулирование архетипов языковых явлений на основе сравнения родственных между собой языков (или диалектов) — так называемая внешняя реконструкция;

2) постулирование архетипов языковых явлений на основе анализа фонологических, морфологических и других данных одного языка — так называемая внутренняя реконструкция;

3) проверка результатов, полученных путем внутренней и внешней реконструкции, на основе типологических данных.

В данной работе поставлена цель провести реконструкцию праяпонской фонологической системы, пользуясь всеми тремя упомянутыми выше приемами.

Основной источник реконструкции — древнеяпонский язык VIII в., фонологическая система которого сейчас, после работ Арисака Хидзё

[Arisaka 1944; 1955] и Хасимото Синкити [Hashimoto 1943], уже достаточно хорошо известна.

Фонологическая система древнеяпонского языка состоит из следующих фонем:

Согласные — *k, g, t, d, p, b, n, m, j, w, r, s, z*.

Гласные — *a, ĕ, e, ĭ, i, ō, o, u*.

Правила дистрибуции для гласных: противопоставления *e — ĕ* и *i — ĭ* нейтрализуются после всех согласных, кроме *k, p, m, g, b*; противопоставление *o — ō* нейтрализуется после *p, b, w* (а с середины VIII в. также и после *m*); в абсолютном начале нейтрализуются все три противопоставления *e — ĕ, i — ĭ, o — ō*.

Правила дистрибуции для согласных *g, d, z, b, r* встречаются только в интервокальном положении; остальные согласные бывают как в начальном, так и в интервокальном положении (но не в конечном, так как действует закон открытых слогов; тем самым в древнеяпонском языке невозможны никакие сочетания согласных в слове).

В древнеяпонском языке не было дифтонгов, и сочетания гласных на стыке морфем упрощались (об этом, а также о правилах «сингармонизма» см. ниже).

Уже давно было замечено, что группа диалектов о-вов Рюкю имеет значительные фонетические и грамматические отличия от стандартного языка (обобщающие сведения — словник на 600 с лишним слов и короткие грамматические описания по 22 диалектам Рюкю см. [Hirayama 1964; 1966; 1967]), что в конечном счете привело к возникновению терминологического противопоставления «японский язык — рюкюский язык». Мы не будем затрагивать здесь вопрос о правомерности этого противопоставления, а ограничимся констатацией тех выводов, которые можно сделать на основании сопоставления фонетических явлений этих диалектов в той мере, в какой это может понадобиться, и других японских диалектов (см. в основном [НК]) с древнеяпонской фонологической системой.

Выводы эти следующие.

1. Односложные слова древнеяпонского языка, по-видимому, имели двойное происхождение. В ряде слов можно предположить наличие некоего согласного, который в древнеяпонском дал \emptyset , но вызвал удлинение гласного односложных слов в большинстве диалектов, например: др.-яп. *ju* 'теплая вода' — диал. Хатэрума и др. *jū*. Однако для ряда односложных слов мы можем указать конкретно отпавшую конечно-слоговую фонему $-N$ на основании рефлекса: ПЯ $-N$ — др.-яп. \emptyset — диал. Хатэрума $-ŋ$, например: др.-яп. *na* 'имя' — Хатэрума *naŋ* (но *nā* в других

диалектах). Эта фонема может стоять и в конце двусложных слов: др.-яп. *apa* ‘чумиза’ — Хатэрума *'aŋ* (регулярно < *'āŋ < *apaN), др.-яп. *aza* ‘родимое пятно’ — Хатэрума *'adzaŋ* и др., всего около 20 слов.

2. На основании данных диалекта Насэ можно реконструировать противопоставление *o-ō* в абсолютном начале (ПЯ **o-* > др.-яп. *o-*, Насэ *'o-*; ПЯ *ō-* > др.-яп. *o-*, Насэ *'u-*), так, др.-яп. *otu* ‘падать’ — Насэ *'utirjuŋ*, но др.-яп. *otōri* ‘думать’ — Насэ *'otojuŋ*.

3. Диалектные группы Мияко и Яэяма имеют *b-* на месте др.-яп. *w-*, диалект Ёнакуни, кроме того, имеет *d-* на месте др.-яп. *j-*: др.-яп. *wata* ‘хлопок’ — Хатэрума (Яэяма) *bata*, Ёнакуни *bata*; др.-яп. *jama* ‘гора’ — Хатэрума *jama*, Ёнакуни *dama* и т. д. Эти соответствия позволяют поставить вопрос о вторичности др.-яп. *w-* и *j-* (см. ниже).

4. Комментаторы Мангёсю, а вслед за ними Р. А. Миллер [МУ: 32–33; Miller 1967a: 280] предполагают для древнеяпонской фонемы *s* аллофоническое распределение: *s* перед *i*, *e* и *ts* перед *a*, *o*, *u*. В диалекте Ёнакуни древнеяпонской *s* соответствует *tš* перед *i*, показывая тем самым другое дополнительное распределение, например: др.-яп. *nisi* ‘запад’ — Ёнакуни *nitši* ‘север’. Это позволяет предположить в праяпонском наличие одной нейтральной аффрикаты *š* или *s* на месте древнеяпонской *s*. В пользу аффрикаты говорят и данные диалекта Накасудзи (Мияко), где древнеяпонской *s* во всех позициях, кроме позиции перед *i* (др.-яп. *i*, *u*), соответствует *š*, например, др.-яп. *saru* ‘обезьяна’ — Накасудзи *ša:ru*. К аналогичным выводам пришел Арисака Хидзё [Arisaka 1944: 143, 149] на основе анализа древнеяпонской письменности. Он, правда, предполагал наличие *tš* уже для древнеяпонского языка, с чем не согласны другие исследователи [Miller 1967; МУ]. Данные диалектов в общем подтверждают мнение Арисака, по крайней мере для достаточно раннего периода истории языка.

5. Интересен тот факт, что диалект Насэ (единственный диалект, отражающий противопоставление *o — ō* после *t, k, n, s*; во всех остальных диалектах эти фонемы слились во всех позициях) отражает древнеяпонскую *o* как *o* (так, др.-яп. *kado* ‘угол’ — Насэ *kado*), а *ō* как *u* (др.-яп. *tōri* ‘птица’ — Насэ *turi*). Другие диалекты имеют *u* на месте обеих этих фонем. Кроме того, обращает на себя внимание несомненно передний характер той фонемы, которая дала в древнеяпонском *u*; так, в стандартном языке дентальные *t, d* дают *ts, dz* в положении перед этой фонемой, а во многих рюкюских диалектах после дентальных нейтрализуется противопоставление *u/i*, например: др.-яп. *matu* ‘сосна’ — Насэ *matši*, др.-яп. *mati* ‘улица’ — Насэ *matši* (тк. *мацу, маму*). Эти соответствия позволяют поставить вопрос о вторичности древнеяпонских *ō* и *u* (см. ниже).

6. На основании данных рюкюских диалектов, а в большей степени диалектов Хонсю можно предположить уже для древнеяпонского, а тем самым и для прааяпонского языка преназализированный характер интервокальных звонких смычных. Так, др.-яп. *kabe* 'стена' — диал. Аомори (преф. Аомори) *ka^mbe*; др.-яп. *kaze* 'ветер' — диал. Аомори *kaⁿdze* и т. д. Рюкюские диалекты сохраняют только следы этой преназализации, например, в диал. Сюри (Окинава) сочетание *id-* > *ndz-* (др.-яп. *idu* 'выходить' — Сюри '*ndziju*) и т. п.). Об интерпретации этого явления см. ниже.

Второй вид реконструкции — внутренняя реконструкция — затрагивает в основном систему вокализма.

В древнеяпонском языке имеются случаи чередования *a/ë, ö, u/i* в последнем слове некоторых существительных, причем *a, ö, u* появляются тогда, когда слово оказывается первым компонентом сложного слова, например: *sakë* 'рисовая водка', но *saka-duki* 'чаша для сакэ'; *kami* 'бог', но *kami-kaze* 'божественный ветер'; *ki* 'дерево', но *kö-nö-*pa** 'листья дерева' и т. д. Это позволяет реконструировать **ai* на месте *ë* и **öi, *ui* на месте *i* (ср. аналогичную реконструкцию у Р. А. Миллера [Miller 1964; 1967: 185–191]), причем последний *i* дифтонга отпадает в указанной выше синтаксической позиции. Кроме того, возможно выводить гласный *e* из **ia* (ср. [Miller 1964; 1967: 185–191]) на основании следующих морфологических фактов:

а) образование перфекта на *-ri* (*saku* 'цвести' — *sakeri* 'зацвел') можно истолковать как некогда сложное образование из сочетания «срединная форма глагола + вспомогательный глагол *ari* 'быть'» (т. е. *saki* 'цветя' + *ari* > *sakeri*);

б) образование «вежливых» глаголов на *-as-* от ряда глаголов с гласной основой: *mi-* (основа глагола *mi-ru* 'видеть') + *as-* > *mes-u, ki-* (основа глагола *ki-ru* 'одевать') + *as-* > *kes-u* (ср. нормальные образования типа *tum-u* 'срывать' — *tum-as-u* и т. д.). (Разбор системы древнеяпонского глагола с аналогичными выводами относительно генезиса японского вокализма см. в работе Оно Сусуму [Öno 1953].)

Предположение о таких изменениях позволяет объяснить многие случаи стяжения гласных на стыке морфем, например: др.-яп. *opisi* 'большой камень' < *opo-isi* (причем для слога *po* постулируется гласный *ö*, впоследствии совпавший в этой позиции с *o*); др.-яп. *nagëku* 'печалиться, жаловаться' < *naga-iku* 'долго вздыхать' и т. п.

Таким образом, из системы вокализма выпадают гласные *ë, i, e* как вторичные из **ai, *öi, *ui, *ia*. Это подтверждают некоторые айнские заимствования, например: др.-яп. *kami* 'бог' — айну *kamui*; др.-яп. *pasi*

‘палочки для еды’ — айну *pasui* (в др.-яп. $i > i$ после s); кроме того, интересны две лексические параллели рюкюского диалекта Икэма (Мияко): др.-яп. *kiri* ‘туман’ — Икэма *tšu:*; др.-яп. *tuki* ‘месяц’ — Икэма *tsittšu*. Эти формы предполагают более ранние **kjuri* и **tukju*, по-видимому, являющиеся метатезированными формами *kuiri* и *tukui*.

Остаются следующие гласные фонемы: *a, i, u, o, ö*. Р. А. Миллер предлагал выводить \ddot{o} из *ai*, как и \ddot{e} , на основании древнекитайской транскрипции названия Японии *Jamatö* [Miller 1967: 191]. Однако такая реконструкция вызывает серьезные возражения как вследствие своей неоднозначности (одно ПЯ *ai* и для др.-яп. \ddot{e} и др.-яп. \ddot{o}), так и вследствие того, что древнеяпонская \ddot{o} занимает в фонологической системе место, равнозначное по функции *a* и *u* (так, $a + i > \ddot{e}$, $u + i > \ddot{i}$, $\ddot{o} + i > \ddot{i}$), в отличие от *e, ё, i, o*, которые не обладают такими свойствами. Нам представляется лучшим вариантом выведение $o < *ua$, во-первых, по аналогии с $e < *ia$, во-вторых, на основе реликтового отражения древнеяпонской o как *wa* в рюкюских диалектах (др.-яп. *ko* ‘ребенок’ — Насэ *k'wa*).

Таким образом, получаем четырехгласную систему: *a, i, u, ö* (о ее типологической вероятности см. ниже).

Существенными на первый взгляд возражениями против такой реконструкции могут явиться следующие соображения:

- 1) для алтайских языков, к которым, вообще говоря, реально причислять японский, нехарактерно обилие дифтонгов;
- 2) специфические правила древнеяпонского сингармонизма требуют в свете такой реконструкции дополнительного объяснения.

Разберем эти возражения.

Может показаться, что устранение из системы вокализма гласных *e, ё, o, i* и замена их дифтонгами вызовет постуляцию большого количества форм с дифтонгами как в первом, так и во втором слоге. Однако на проверку выходит, что на употребление этих гласных в древнеяпонском языке наложены сильные ограничения. Так, гласные *e, ё, o, i* употребляются преимущественно во втором слоге двусложных слов и в односложных словах и гораздо реже в первом слоге двусложных слов, что само по себе позволяет судить об их вторичности. В ряде случаев эту вторичность можно реально обосновать; так, др.-яп. *tina* ‘все’ предполагает **tina / tōina*; засвидетельствована форма древнего диалекта Кюсю *tōne* ‘все’, которая предполагает **tōnia / tōnai*. Форму **tōina > tina* вполне можно рассматривать как метатезированную из **tōnia > tōne*. Кроме того, для древнеяпонских слов с гласными *e, ё, o, i* в первом слоге пока не найдено удовлетворительных алтайских этимологий;

по крайней мере для одного слова с *o* в первом слоге имеется айнская этимология: др.-яп. *sora* 'небо' — айну *ai-soro*.

Таким образом, древнеяпонские факты в общем не противоречат алтайским. Что касается древнеяпонского сингармонизма, то здесь можно высказать следующие соображения.

Японский сингармонизм коренным образом отличается от алтайского, а именно: характер огласовки корня никоим образом не влияет на характер огласовки служебных морфем, и наоборот. Уже это заставляет усомниться в том, является ли японский сингармонизм такой чертой, которая сопоставима с алтайским сингармонизмом.

Рассмотрим, к чему сводятся правила японского сингармонизма (см. [Arisaka 1944; 1955]; подробно анализ сочетаемости древнеяпонских гласных см. [Izui 1956]):

- 1) *o* и *ö* не встречаются в одной двусложной морфеме;
- 2) *u* и *ü* не встречаются в одной двусложной морфеме;
- 3) *a* и *ä* редко встречаются вместе в одной двусложной морфеме;
- 4) в одной двусложной морфеме не встречаются вместе соответственно *e* и *ë*, *ë* и *ë*, *e* и *e*, *o* и *o*, *i* и *i* и другие сочетания гласных *e*, *ë*, *o*, *i*.

Последнее правило сразу же поддается истолкованию как накладывающее ограничение на взаимную сочетаемость дифтонгов в одной двусложной морфеме. Редкие случаи типа *тото* 'сто' получают хорошее объяснение как случаи редупликации [Сыромятников 1972: 32].

Правило третье нельзя признать действующим ввиду целого ряда исключений: *söba* — название дерева, *töga* 'вина', *töra* 'вечность', *тарö* 'круг' и др.

Остаются первое и второе правила. Нам представляется, что первое правило не действовало в предыстории японского языка. На это указывают некоторые данные диалекта Насэ: Насэ '*отојуи*' 'думать' предполагает **отöри* (в древнеяпонском имеем форму *отöри* < **ötöри*, поскольку *o* и *ö* слились в начале слова), Насэ '*отол'уту*' 'звук' (две формы в свободном варьировании) предполагает двойное выравнивание вокализма **otö* > **ötö* > '*уту*', **otö* > **oto* > '*ото*' (в древнеяпонском *otö* из *ötö*). Итак, нам представляется реальным предположение о вторичном выравнивании *o-ö* > *ö-ö* в древнеяпонском уже после монофтонгизации **ua* > *o*.

Что касается второго правила сингармонизма, то оно в свете типологических соображений, изложенных ниже, по-видимому, является действительным реликтом древнего сингармонизма. Однако это никак не влияет на нашу реконструкцию, так как данное правило затрагивает только первичные гласные *u* и *ü*.

Развитие гласных в японском языке вплоть до древнеяпонского этапа происходило, по-видимому, следующим образом. Первоначально любые гласные и дифтонги могли употребляться после любых согласных. Затем дифтонги изменились следующим образом: *ia* > *uo*, *ia* > *je*, *ai* > *ë*, *ui* (фонетически, видимо, рано совпавшее с *oi*) > *úi* (где *ú* — неслоговое смягченное *u*) во всех позициях. Образовались сочетания «согласный + полугласный *u*, *i*, *ú*». На данном этапе развития в силу чисто эвфонических причин сочетания *pu*, *mbu*, *wu* упростились в *p*, *^mb*, *w* соответственно, и слоги *puo*, *^mbuo*, *wuo* слились со слогами *pö*, *^mbö*, *wö* (которые ввиду отсутствия противопоставления *o-ö* фонематически, а возможно, и фонетически, были равносильны *po*, *^mbo*, *wo*), образовав недифференцированные *po*, *^mbo*, *wo*. Совпадение *tu* и *tö* также произошло, но несколько позже (уже в середине VIII в.). Аналогично сочетания *tí*, *ⁿdí*, *ní*, *rí*, *jí*, *cí*, *ⁿzí* упростились в *t*, *ⁿd*, *n*, *r*, *j*, *c*, *ⁿz*; слоги *tíe*, *ⁿdíe*, *níe*, *ríe*, *jíe*, *cíe*, *ⁿzíe* слились со слогами *të*, *ⁿdë*, *në*, *jë*, *rë*, *cë*, *ⁿzë* (которые ввиду отсутствия противопоставления *e-ë* фонематически, а возможно, и фонетически были равносильны слогам с *e*), образовав недифференцированные *te*, *ⁿde*, *ne*, *re*, *je*, *ce*, *ⁿze*.

Неслоговой *ú* вел себя как *i* (ср. историю японского *w* перед передними гласными в некоторых рюкюских диалектах: Насэ *ji* < *wi* ‘колодец’), т. е. сочетания «лабиальный согласный + *ú*» сохранялись (с последующим изменением *puí* > *pí* и т. д.), а сочетания «дентальный согласный + *ú*» упрощались (с изменением *túi* > *ti* и т. п.), в результате чего слоги типа *túi* и *ti* слились в одном *ti*. Сочетания же с гуттуральными *k* и *g* (типа *ku*, *kí*, *kú*) не изменялись никак, результатом чего явилось в древнеяпонском наличие всех слогов: *ko*, *kö*, *ke*, *kë*, *ki*, *kí*.

В случае с фонемой *w*, по-видимому, происходила ассимиляция: *wíe* > *w^we* > *we*, *wúi* > *w^wi* > *wi*, в результате чего в древнеяпонском языке после *w* полностью нейтрализованы все противопоставления *o-ö*, *e-ë*, *i-i*. В абсолютном начале все эти противопоставления также нейтрализовались, причем здесь произошло явление, полностью аналогичное тому, что позднее произошло в истории японского языка: выпадение *i* перед *e* (ср. позднее др.-яп. *jeda* ‘ветвь’ — тк. *эда*), выпадение *u* перед *o* (ср. позднее др.-яп. *wonö* ‘топор’ — тк. *оно*), выпадение *ú* перед *i* (ср. позднее др.-яп. *wiru* ‘быть’ — тк. *иру*)¹. Таким образом, постулируя такой процесс изменения системы, мы приходим к дистрибуционной схеме VIII в.

¹ Это явление говорит, по-видимому, о фрикативном характере *w*- и *j*- к тому моменту, когда существовали полугласные *u*- и *i*-, что дает дополнительное подтверждение правомерности выведения начальных *w*-, *j*- из *b*-, *d*-.

Итак, в результате использования внешней (сравнение с диалектами) и внутренней реконструкции у нас получается следующая фонологическая система:

Согласные *k*, ⁿ*g*, *t*, ⁿ*d*, *p*, ^m*b*, *n*, *m*, *j*(*d*), *w*(*b*), *r*, *c*, ⁿ*ʒ*, *-N*.

Гласные *a*, *i*, *u*, *ö*.

Дифтонги *ai*, *ui*, *öi*, *ia*, *ua*.

На третьем этапе реконструкции требуется дать этим фактам типологическое обоснование, истолкование и коррективы.

Система согласных. Вследствие обнаружения в прааяпонской фонологической системе конечнослогового ^{*}*-N* представляется реальным вслед за Е. Д. Поливановым [Поливанов 1930, разд. «Фонетика»; 1968: 132–133] рассматривать преназализованные звонкие как сочетания «^{*}*N* + глухой», устраняя тем самым вообще звонкие смычные из фонологической системы (как было указано выше, в абсолютном начале звонкие *g* < ⁿ*g*, *d* < ⁿ*d*, *b* < ^m*b* не употреблялись). Данное явление находит параллель в позднейшей истории японского языка, ср. тк. *нонда* ‘пил’ < ^{*}*noNta* < ^{*}*nom(i)ta* < др.-яп. *nōmitari*; тк. *фуда* ‘ярлык, этикетка’ < ^{*}*FuNta* < ^{*}*Fum(i)ta* < др.-яп. *pumita* и др. Типологическое возражение о маловероятности системы всего с одним рядом глухих смычных можно устранить, введя в систему *b*- и *d*- соответственно древнеяпонским *w*- и *j*- (ср. данные диалектов Мияко, Яэяма, Ёнакуни)². Таким образом, система смычных приобретает вид:

² В современном японском языке в начальном положении возникли вторичные звонкие смычные в результате большого числа китайских заимствований. Кроме того, по диалектам наблюдаются случаи озвончения начальных смычных в исконных словах. Так, др.-яп. *karu-si* ‘легкий’ — Насэ *garu-sarj*; др.-яп. *takē* ‘бамбук’ — Насэ *dē*; др.-яп. *kōta(-ka)* ‘мелкий’ — Икэма *guta-kai* и т. д. В связи со сформулированной выше теорией о происхождении звонких представляется целесообразным объяснять это озвончение как результат отпадения носового типа *VN*- (или *NV*-) с экспрессивным значением. Для этого имеются следующие основания: а) в ряде слов без упомянутого выше префикса имеется аналогичное фонетическое развитие: тк. *дэру* ‘выходить’ — др.-яп. *idu* = ^{*}*intu*; Икэма *m:bu* ‘пуп’ — Сюри *embu-su* — Накасудзи *bušu* — др.-яп. *rozō/posō*; б) слова с озвонченным начальным смычным имеют по большей части экспрессивное значение: это прилагательные со значением объема, меры и т. п., экспрессивные глаголы (типа тк. *кусугуру* ‘щекотать’ — Тикаи *gudzuvvi*), названия животных, растений; в) в древнеяпонском языке имеются два носовых префикса: это *ma*- со значением усиления (*ma-sōro* ‘красная глина’, *ma-naka* ‘самая середина’) и *mi*- со значениями почтительности (*mi-titi* ‘уважаемый отец’) и эвфоническое, без особого значения (*mi-kusa* ‘трава’). Оба эти префикса в общем, за исключением экспрессивных глаголов, имеют ту же сферу применения, что и указанное озвончение. Относительно редукции в этих префиксах можно указать такие случаи, как др.-яп. *ma(N) naka* ‘самая середина’ — Тикан *naka* и др.

k	t	p
-	d	b

с лакуной на месте *g, что вполне реально с типологической точки зрения [Гамкрелидзе 1972].

Система гласных. Система *a-i-u-ö* вызывает сильные типологические возражения ввиду своей несимметричности. Учитывая, однако, данные рюкюских диалектов (см. с. 10), представляется возможным интерпретировать *u* как **ü*, а *ö* как **u*. Таким образом, система гласных приобретает вид *a-i-u-ü*, что гораздо вероятнее с типологической точки зрения. Система описывается двумя дифференциальными признаками:

	Передность	Огубленность
a	-	-
i	+	-
ü	+	+
u	-	+

Отсюда второе правило сингармонизма (недопущение *u* и *ö* в одной двусложной морфеме) интерпретируется как действительный реликт сингармонизма: недопущение в соседних слогах разнорядных огубленных гласных *u* и *ü*.

Здесь немаловажно упомянуть еще один интересный феномен древнеяпонского языка: чередование *ö/u* в ряде случаев типа *mörö* 'все' — *mura* 'группа, скопление, множество' [Moriyama 1964]. Его можно интерпретировать как отражение еще более ранней сингармонистической системы гласных с одной фонемой **u* на месте *u* и *ü* и с двумя фонемами **a* и **ä* на месте *a*. Тогда *mörö* < ПЯ **muru* < **muru*, а *mura* < ПЯ **müra* < **murä* с изменением **u* > *ü* при наличии в соседнем слоге передней **ä*. Такая система уже соотносима с алтайской при постулировании более раннего совпадения **o*, **u* > *u*, **e*, **i* > *i*. Однако для прапояпонского реально реконструируется лишь упомянутая выше система *a-i-ü-u*.

Система дифтонгов, учитывая эти соображения, приобретает такой вид: *ai, iü, ui, ia, ua* (противопоставление *ua-üa* нерелевантно).

Странно отсутствие в системе дифтонга *au*. Однако возможно, что он был в прапояпонском. Так, древнеяпонская письменность показывает, что древнеяпонская *o* имела двойное обозначение; например, слог *ko* мог обозначаться иероглифом 古 *kuo* (= *kua*) и 高 *käu* (= *kau*). Правда, для

древнеяпонского это различие уже чисто условно, так как подобные обозначения могли взаимно пересекаться, однако, по-видимому, в тот период, когда в Японии была заимствована китайская письменность, противопоставление *ia-ai* еще было релевантно. Позднее же и тот и другой дифтонг слились в одной древнеяпонской *o*, следствием чего и явилось уже в VIII в. употребление обоих этих иероглифов для обозначения слога *ko* в одних и тех же словах.

Итак, в результате трех этапов реконструкции мы пришли к следующей праяпонской фонологической системе.

Согласные:

1. Смычные *k, t, d, p, b* (*d* и *b* в интервокальном положении не встречаются; тем самым они дополнительно распределены с *j* и *w*, которые в силу этого на фонологическом уровне не являются фонемами).

2. Сонанты: а) носовые *n, m* (нейтральное конечнослоговое *-N* не является фонемой, а выступает в качестве аллофона как для *n*, так и для *m*); б) вибрирующий *r* (встречается только в интервокальном положении).

3. Нейтральная аффриката *ʃ/s*.

Гласные:

1. Монофтонги *a, i, u, ï* (возможно, из более ранней системы *a, ä, i, u*).

2. Дифтонги *ai, ui, ïi (au), ia, ia*.

Нам кажется, что постуляция такой праяпонской фонологической системы окажется полезной при дальнейшем внешнем сравнении японского языка.